

повторять свои прежние пророчества, и ни сами говорят о «длительном процессе» и не дерзают более с наскоку отрицать устойчивость нового русского порядка. И если кто-либо из них иногда по старой памяти пытается что-либо пробормотать о «близкой гибели», — то им самим становится неловко.

И если тем не менее они продолжают направлять удары и против русскою порядка, и против самой России, — то это происходит потому, что они осуждены собственным роком. Роком, который постигает тех, кто отрывается от родной земли и теряет живое ощущение ее. При таком разрыве — родина и ее интересы отходят в невидимую даль, а на просторе властвует лишь озлобленность потрясенного обывателя иди упорство политических догматиков. Но в этом скрыта уже и кара за содеянное. Ибо это значит — бесповоротно отсечь себя от своей страны и ее судеб.

То, что есть

Проповедники эмигрантской демократии любят проливать крокодиловы слезы по поводу мнимых международных «неудач» России. Они прекрасно знают, что эти «неудачи» выдуманы ими, — но все же непрерывно вокруг своей выдумки шумят, ибо надеются таким путем одновременно убить двух зайцев: бросить тень на новый русский строй и устроить пышную рекламу для самих себя.

Ведь, цель и смысл всех этих неискренних причитаний — всегда в их заключительном аккорде: пустите нас ко власти, и вы увидите, как нас уважают все иностранцы; вы увидите, как непреклонно мы блюдем национальное достоинство и национальные интересы России; вот что было бы, если бы мы правили страной.

Иных наивных или беспамятных людей их уверения, быть может, способны соблазнить. Но тех, кто умеет помнить, едва ли могут искушить их клятвы о том, «что было бы, если бы»... Для точного предсказания на этот маловероятный случай нет надобности прибегать к беллетристике сослагательных наклонений; для этого более, чем достаточно, справиться с историческими фактами «изъявительного» прошедшего времени.

Опыты демократической власти были проделаны в годы гражданской войны. В Архангельске и в Одессе, в северо-западной области

и на Волге¹. И при этом повсюду — международные связи стояли в центре событий; и при этом повсюду наблюдалась одна и та же скорбная и безнадежная картина.

Везде наши демократы оказывались на положении наемных слуг иностранного цинизма, — а за свою ревностную службу не удоставались ничего, кроме такого беззастенчивого презрения, дальше которого идти было невозможно.

Иностранцы обращались с ними, как со своими мальчиками для посылки. При образовании так называемого северо-западного правительства — английский генерал приказал собранным им русским демократам образовать власть и распределить портфели в течение сорока минут, не выходя из комнаты. Он назначал русское военное начальство, предписывал, какие должны быть изданы законы и как должно осуществляться управление. (Доклад В. Д. Кузьмина-Караваева² и А. В. Карташева).

В том же роде поступали с «юго-западными» демократами Энно³ и Фрейденберг⁴, генералы д'Ансельм⁵ и Франше д'Эспере⁶ («Год интервенции», М. Маргулиеса⁷), — с тою лишь разницей, что иногда, как галантные французы, они приказывали русским демократам то, что у них выпрашивали предшествующей ночью одесские кинематографические и опереточные дивы.

В Архангельске «народный социалист» Чайковский послушно сажал в тюрьмы тех, кого указывали англичане, и благодарил своих хозяев за их самочинные расстрелы русских граждан. (См. документы в отд. «по газетным столбцам»). Английские майоры хлестали нагайками «демократических» полковников, — а высшие чины британского штаба не обращали внимания на жалобы.

На Волге гордые эсеры заискивающе ходили в струнку перед предводителями чехословацких легионов. Ибо если они дерзали когда-либо ослушаться, то любой поручик из легиона мог арестовывать их министров. («Демократическая контрреволюция» Майского⁸).

Было бы, конечно, слишком громко говорить на этом основании о предательстве с их стороны русских прав и русской чести: ни интересы, ни права России никогда не представлялись в действительности ими. И русская национальная честь, разумеется, несколько не зависела от недостойных действий самозванных претендентов на ее носительство.

Но во всем этом была и еще другая сторона, которая имела большое значение.

Благодаря сервиллизму русской контрреволюции, иностранцы получали возможность прикрывать свои враждебные против России

действия русскими именами и лозунгами русской жизни. Они получали возможности обмануть и общественное мнение своей страны, увлекая его на новую империалистическую авантюру, — и иных доверчивых русских людей, которые, благодаря лицемерному наряду, интервенции, готовы были порою видеть в беззастенчивых грабителях и аннексионистах — спасителей своего отечества. Враги России получали возможность разорять ее при помощи русских рук, сохраняя при этом тогу благородства, униженно набрасываемую на их плечи русскими же людьми...

Вот в чем была губительная роль наших мнимых носителей «национальных интересов», — и о повторении именно этой роли они теперь мечтают, именно ее они пытаются и теперь играть при всяком случае, который кажется им подходящим.

И теперь повсюду — эмигрантские центры тщательно сохраняют за Собою ампулу прислужников иностранных вождедений, подстрекают всех, кого можно, против России, оправдывают «от ее имени» направленные против нее удары, помогают чужеземным авантюристам, ссылающимся на их голоса, толкать к новым приключениям политику своих государств.

Это — не гипотетическое «то, что было, воли бы». Это — реальнейшее и несомненнейшее — то, что было, и то, что есть.

